

И цзин в XXI веке.

5-я международная ицзиноведческая конференция в Сянгане

С 15 по 18 сентября 2010 г в Сянгане проходила 5-я международная ицзиноведческая (*исюэ*) конференция, организованная Международным обществом по изучению *И цзина* (International Association of I-Ching Studies — *IAICS*). Конференция собрала более 400 специалистов в области ицзиноведения из разных стран мира.

Международное общество по изучению *И цзина* (*Канона Перемен*) объединяет ряд ведущих национальных исследовательских центров (в континентальном Китае и на Тайване, в Японии, Корее, Малайзии, Новой Зеландии США, в Европе, включая Россию т.д.) и координирует работу ученых в самых различных областях ицзиноведения. Таких, например, как анализ всевозможных философских интерпретаций *И цзина*, разработка историко-филологических аспектов этого древнейшего памятника синоцентричной цивилизации, изучение многообразных связей *И цзина* с философией, методологией и наукой Древнего Китая и т.п.

Создание Российского общества изучения *И цзина* было продиктовано всей логикой развития научных исследований *Канона Перемен* в нашей стране. К концу 1990-х гг. ситуация в отечественном ицзиноведении складывалась неблагоприятно: крупнейшим достижением оставался едва ли не столетней давности труд Ю.К. Щуцкого, а более свежие разработки по большей части представляли собой не более, чем кустарные упражнения дилетантов (как правило, с совершенно недостаточным уровнем китаеведческой подготовки). Положение усугублялось неумеренной активностью разномастных энтузиастов-исследователей *Канона Перемен* (как правило, представителей инженерно-технических — во всяком случае, **негуманитарных** специальностей), не имевших никакого отношения к синологии, но по причине хаоса, охватившего Россию на рубеже двух тысячелетий, получивших полную свободу для бесконтрольной публикации сколь угодно бредовой отсебятины.

Чтобы выбраться из тупика и создать условия для **серьезного** изучения *И цзина* требовалось, прежде всего, преодолеть провинциальную оторванность от мировой науки (чреватую такими курьезными «открытиями» как, например, изобретение абсурдной «нумерологической методологии», якобы содержащейся в *И цзине*, и прочими доморощенными российскими фантазмами) и выйти на международный научный уровень. Именно поэтому 12 лет назад и был образован **российский филиал** Международного общества по изучению *И цзина*. В него вошли такие известные специалисты по идеологии Древнего Китая, как д. филос. н., проф. В.Г. Буров, д. филол. н., проф. А.М. Карапетьянц, д. филос. н., проф. А.И. Кобзев, д. филос. н., проф. А.Е. Лукьянов, к. ист. н. А.Г. Юркевич. Возглавил Российское общество изучения *И цзина* к. ист. н., д. филос. н. А.А. Крушинский.

В настоящее время положение дел с изучением *И цзина* в России отличается неоднозначностью. С одной стороны, наметился долгожданный переход от бесконечных переизданий Ю.К. Щуцкого, а также процветающего в нашем отечестве «жанра» перевода с переводов и столь же вторичных ознакомительных работ справочного характера (всевозможных научно-популярных изданий, изобилующих ляпами со стороны фактологии и анахронизмами со стороны теории, однако же, без ложной скромности

позиционирующих себя в как «вершинных достижений» отечественной синологии) к **научному** жанру специальных статей и монографий. С другой стороны, нарастает угрожающая тенденция к коммерциализации и профанации ицзиновской тематики: удачно «вписавшиеся в рынок» дельцы, паразитируют на модной ныне китайской экзотике, назойливо симулируют «научную» деятельность, фабрикуя уродливые симулякры.

Как бы то ни было, появление Общества ощутимо оздоровило атмосферу в отечественном ицзиноведении: за время, прошедшее с момента его учреждения, появился ряд работ, выполненных на вполне достойном уровне (достаточно назвать проведенное Н.Ю. Агеевым в серии публикаций первое в отечественной науке серьезное исследование творчества таких виднейших представителей ханьской ицзинистики, как Мэн Си и Цзин Фан). Наконец, впервые Россия оказалась представленной на таком авторитетном международном форуме, как нынешняя международная конференция, пленарным докладом главы Российского общества изучения *Ицзина*, вызвавшим большой интерес присутствующих.

Работа конференции шла по 5 секциям, на которых обсуждался широкий круг вопросов: от сугубо академичной темы истории ицзиноведения до весьма злободневной проблематики, связанной с ролью *Канона Перемен* в современном мире (1. «Ицзиноведение и становление нового мирового порядка»; 2. «Ицзиноведение и религия»; 3. «Ицзиноведение и научно-технические знания»; 4. «История ицзиноведения»; 5. «Ицзиноведение и самокультивация»). Отличающий китайцев дух историзма — укорененность в собственном прошлом и обостренное ощущение нерушимой преемственности своей многотысячелетней культурной традиции — обусловил соответствующую расстановку акцентов. Ведущей на форуме стала тема злободневности *Ицзина*, причем в предельно актуализированной и глобализированной редакции: «*Ицзиноведение и становление нового мирового порядка*».

Мотив актуальности особенно громко прозвучал во вступительном слове директора сянгганского института китайской культуры, проф. Хэ Чжипина. По его мнению, расстановка сил в XXI в. радикально меняется: Восток неуклонно теснит Запад. В мире складывается совершенно новая политическая конфигурация («мировой порядок»), и именно стратегическая мудрость *Ицзина* способна помочь Китаю в выборе верного фарватера.

Глобальность постановки проблемы очень отчетливо была проартикулирована главой «Международного общества по изучению *Ицзина*», крупнейшим специалистом по историко-научным интерпретациям *Канона Перемен* проф. Дун Гуанби. В докладе, озаглавленном «Мировой порядок информационной (букв. — «битовой», т.е. «двоичнознаковой») эпохи», он, развивая популярный тезис о наступлении постиндустриальной, т.е. информационной, эпохи и отталкиваясь от характеристики (принадлежащей американскому ученому Н. Негропonte) этой эпохи как «битовой», провозглашает систему ицзиновских триграмм и гексаграмм (базирующихся на двоичной идеологии Инь-Ян) самым ранним провозвестником «битового мышления», а тем самым — и информационной эпохи.

Действительно, еще Г. Лейбниц был потрясен возможностью представления 64 гексаграмм *Канона Перемен* как последовательности 64 натуральных чисел (от нуля до 63), записанных в открытой им двоичной системе счисления. Великий немецкий математик и философ не мог и предположить, что его, казалось бы, совершенно умозрительная — мотивированная преимущественно теологическими соображениями — конструкция, спустя два с половиной столетия станет главным языком общения человека с «разумными» машинами.

Дун Гуанби уверен, что мир сейчас находится на переломе: переходе от «эпохи атома» к «эпохе бита». Признавая античные истоки атомистики, он именно в *Ицзине* видит предтечу «битового мышления», которое идет на смену идеологии атомизма. Отсюда насущность задачи преобразования этого изначального ицзиновского провозвестия в отправную точку новой информационной цивилизации будущего.

Тезис о нарастающей актуальности *Ицзина* требует ответа на вопрос о том, что собственно делает его таким актуальным, в чем же его непреходящая значимость. В са-

мом общем виде ответ уже был дан выше: это стратагемность и, в частности, так сказать, «стратегия двойцы» (т.е. мышление посредством бинарных оппозиций). Но, конечно же, этот ответ нуждается в конкретизации. Наиболее информативные из подобных конкретизаций содержались в докладах, посвященных стилю традиционного китайского мышления и замечательным китайским работкам в области искусства управления.

Полнее всего особенности китайского стиля мышления были раскрыты в докладе известного тайваньского ученого, проф. Чжу Гаочжэна. Он говорил о так называемом «Тайцзи-мышлении» (*Тайцзи* — «Великий Предел» — одно из важнейших понятий *Канона Перемен*) в условиях стремительно меняющегося мира. По Чжу Гаочжэну, графический символизм *И цзина* являет собой формализованную систему «Тайцзи-мышления», главные принципы которого суть во-первых, графическая наглядность представления самых абстрактных теоретических концептов, во-вторых, методологический принцип целостности и, в-третьих, «диалектичность» (имеется в виду антитетичность китайской мысли — установка на оперирование с полярными противоположностями).

Чжу Гаочжэн полагает, что события предыдущих десятилетий убедительно демонстрируют огромные возможности «Тайцзи-мышления», способного вывести на некий **третий** (т.е. и не капиталистический, и не социалистический) путь развития. В качестве подтверждения он ссылается на успехи материкового Китая, совершившего в первое десятилетие XXI в. беспрецедентный экономический рывок. Впечатляющие достижения персонафицируемого Дэн Сяопином нового социально-экономического курса означают, по мнению тайваньского ученого, серьезный вызов господствовавшему в мире на протяжении последних пяти веков европоцентризму и знаменуют долгожданный возврат КНР к отличающему китайцев уникальному «Тайцзи-мышлению».

Благодаря умелому использованию диалектики взаимоотношений всевозможных полярностей (в которых манифестируется основополагающая полярность Инь-Ян) снимается противоречие между социализмом и капитализмом («и при социализме тоже есть место рынку, и при капитализме также осуществляется планирование»). В качестве подтверждения осознанности и теоретической продуманности подобной тактики Чжу Гаочжэн ссылается на такие, например, вызывающе парадоксальные слоганы Дэн Сяопина, как «один центр — две базовые точки», «остерегаясь левизны, не противостоять левизне», имеющие, как он полагает, несомненно ицзиновские истоки.

Что касается искусства управления по *Канону Перемен*, то центральной темой данного круга вопросов является раскрытие и анализ тех параметров идеального руководителя, которые приводятся *И цзине*. Этот сюжет самым подробным образом был рассмотрен в докладе основателя и главы тайваньского филиала «Международного общества по изучению *И цзина*», проф. У Цювэня.

Свою экспозицию ицзиновского видения эталонного лидера он строит на образах гексаграммы № 1 *Цянь* (Крепость) и сентенциях поясняющих ее текстов. Данная гексаграмма структурирует динамику прогрессирующего (вплоть до трагического финала) карьерного роста лидера («благородного мужа»), метафорически уподобляемого дракону: на первом шаге этот дракон сокрыт в глубине вод (так сказать, «пребывает под спудом»). На втором шаге он уже выполз на сушу (так сказать, «являет себя миру»). На третьем — «благородный муж» пребывает в усиленных трудах. На четвертом шаге дракон готовится взлететь (т.е. «совершить прорыв»). На пятом — он парит в поднебесье (кульминация его карьеры). На последнем — роковом — шаге его подстерегает крах: «Возгордившегося дракона ожидает раскаяние».

Лаконичные афоризмы и пространные пассажи, разъясняющие специфику каждой из шести позиций социальной иерархии и формулирующие соответствующие предписания, поразительны по глубине проникновения в суть дела и весьма информативны с точки зрения выбора оптимальной линии поведения.

В Китае мы сталкиваемся с существенно иным, нежели в западной мысли способом мышления, базирующимся не на интуиции отдельной «вещи»¹ (соответственно класса однородных «вещей»²). В качестве базовой идеализации здесь выступает гораздо более софистичное представление о **деятельности/событийности** (когда первичным предметом рассмотрения служат не собственно **вещи**, а прежде всего **действия**, совершаемые в отношении вещей или же **события**, с ними происходящие). Отсюда исключительная роль операциональности и конструирования в китайском менталитете: внимание сфокусировано на **операциях**, а не на объектах, над которыми производятся операции.

Графический символизм *Канона Перемен* делает зримым этот изначальный динамизм китайского мышления. Ведь гексаграмма — это не что иное как удвоенная («стратегия двоицы») триада. В свою очередь **троичность** знаменует априорность — как для человеческой деятельности, так и для исторической событийности — следующей самоочевидной деятельностно-событийной структуры: **начало-продолжение-завершение**.

Вот почему шестеричная схема, визуализируемая 64 гексаграммами *И цзина*, несмотря на свою относительную простоту и почти вызывающую (на вкус современного человека) произвольность — проявила себя удивительно плодотворно в качестве универсальной категориальной схемы китайской мысли и теоретико-методологического фундамента как китайской традиционной науки, так и аналогичных культурных феноменов большинства других стран Дальневосточного региона. К настоящему времени она благодаря неуклонно растущей во всем мире популярности *И цзина* уже шагнула далеко за границы Поднебесной и ее традиционного культурного ареала.

Обычно нынешнюю экономическую успешность Китая и ряда других стран, принадлежащих синоцентричной цивилизации, объясняют приверженностью населения этих стран исконной конфуцианской морали. При этом слишком часто упускается из виду тот самоочевидный для носителей этой морали факт, что наиболее глубоким и системным выражением столь полезной системы ценностей является как раз таки *И цзин*. Далеко не случайно государственный флаг Южной Кореи — одного из дальневосточных «драконов» — украшает изображение триграмм *И цзина*. Так что лейтмотивом звучавшая на состоявшейся конференции вера в путеводительную миссию древнейшего и авторитетнейшего из всех конфуцианских канонов — *Канона Перемен* — на поверку вовсе не столь удивительна, как могло бы показаться.

Следует отметить прекрасную организацию конференции. Большая заслуга в этом принадлежит председателю оргкомитета профессору Цю Лянхуэю.

© 2011

А. Крушинский,
доктор философских наук

1. Исходным вопросом греческой мысли является вопрос о том, «Что есть сущее?» (ti to on). См., например, Аристотель. *Метафизика*. М., 1976. Т. 1. С. 188.
2. Эволюционировавшее в основополагающее для современной науки квазиматематическое понятие «множества».